

A woman with long dark hair is standing in a room, looking down. She is wearing a red velvet bodysuit with lace trim and black stockings. To her right is a large, ornate gold mirror reflecting her image. In front of the mirror is a silver candelabra with three lit candles. The background is dark and moody.

Александр Эрот

Русская рабыня

18+

Александр Эрот

Русская рабыня

<https://litres.ru/74399382>

SelfPub; 2026

Аннотация

1812 год. В снежной глуши русской зимы судьба сталкивает юную дворянку Варвару Ларионову с французским капитаном Жюльеном де Морне. Бежав от пожара, уничтожившего её дом, она оказывается в руках врага — но находит нечто большее, чем спасение.

Их встреча становится началом истории, превосходящей границы войны и вражды. В заброшенном охотничьем домике рождается любовь, способная преодолеть любые преграды.

Варвара — образованная дочь помещика, привыкшая к парижским журналам и французским романам. Жюльен — философ по натуре и солдат поневоле, человек, сохранивший человечность среди ужасов войны.

Это история о том, как любовь рождается в самое холодное время года, о том, как война отступает перед силой человеческих чувств. Роман исследует глубины души, где патриотизм уступает место всепоглощающему чувству.

Для тех, кто верит в силу настоящей любви и готов погрузиться в атмосферу зимнего противостояния и жарких чувств. История, доказывающая, что любовь не знает ни времени, ни границ.

Александр Эрот

Русская рабыня

Декабрь 1812 года лежал на русской земле как саван — белый, безмолвный, беспощадный.

Варвара не помнила, сколько времени прошло с того момента, как она бежала из горящей усадьбы. Время растворилось в снегу, смешалось с дымом, потеряло свои очертания так же, как теряли их деревья в метели — становясь призраками самих себя, тенями того, чем были прежде. Она помнила только огонь. Оранжевые языки, лизавшие белые колонны отцовского дома с той жадностью, с какой любовник целует шею женщины — неторопливо, с наслаждением, не желая останавливаться.

Ей было двадцать два года.

Она была дочерью помещика Алексея Дмитриевича Ларионова, человека просвещённого, читавшего Вольтера в оригинале и выписывавшего парижские журналы — до тех пор, пока Париж не прислал вместо журналов армию в шестьсот тысяч человек.

Варвара бежала в одном платье — тонком, муслиновом, совершенно неподходящем для декабрьского мороза. Она бежала через сад, мимо замёрзшего фонтана, мимо беседки, где летом читала Руссо и думала о любви с той рассеянной мечтательностью, которая бывает только у девушек, никогда

ещё не знавших мужчины по-настоящему. Был жених — молодой офицер Николай, красивый и правильный, как гравюра. Он целовал её руку. Иногда — щёку. Однажды, в саду, в сумерках — губы, быстро и виновато, словно совершая что-то запретное. Варвара тогда почувствовала лёгкое разочарование, о котором немедленно устыдилась.

Теперь Николай был где-то под Смоленском. Или уже нигде.

Она упала в снег на опушке леса — споткнулась о корень, скрытый под белым покровом, и упала так, как падают во сне: медленно, почти торжественно. Снег принял её тело с мягкостью перины, и на мгновение Варваре захотелось остаться здесь — лежать лицом вверх, смотреть на серое небо и позволить холоду сделать своё дело. Смерть от мороза, говорили, была мягкой. Засыпаешь — и всё.

Но она была молода. А молодость — это прежде всего упрямство тела, его нежелание соглашаться с небытием.

Варвара поднялась.

И тут она услышала голоса.

Французские голоса.

Их было четверо — отставший от основного обоза авангард, люди измотанные, обмороженные, злые. Великая армия отступала, и в этом отступлении величия не было никакого — только голод, вши, обмороженные пальцы и ненависть к этой бесконечной белой стране, которая, казалось, нарочно растянулась от горизонта до горизонта только затем,

чтобы убить их своим пространством.

Но среди четверых был один, который отличался от остальных.

Варвара увидела его первым — или, точнее, он первым вышел из-за деревьев на полянку, где она стояла, в своём нелепом муслиновом платье, с распущенными от бега волосами, тёмными и длинными, облепленными снегом. Она застыла — не от страха, а от внезапности. Они смотрели друг на друга несколько секунд, которые показались обоим значительно длиннее, чем были на самом деле.

Капитан Жюльен де Морне был тридцати лет. Гасконец по происхождению, парижанин по воспитанию, солдат по необходимости. У него было лицо человека, который привык думать больше, чем говорить, и тёмно-серые глаза, в которых усталость войны не смогла до конца затушить то особое внимание к миру — и к людям, — которое отличает натуры чувствующие от натур лишь действующих. Мундир его был покрыт дорожной грязью, щёки заросли трёхдневной щетиной, и всё же — всё же в нём сохранилось что-то такое, что Варвара определила для себя моментально и безотчётно, тем инстинктом, который есть у молодых женщин и который они обычно предпочитают не признавать.

Этот человек был опасен. Но опасен иначе, чем остальные трое.

— Mademoiselle, — сказал он, и в его голосе не было угрозы. Только — изумление. Как будто он не ожидал найти в за-

снежном русском лесу молодую женщину в бальном платье, и эта неожиданность его искренне восхитила.

Варвара не ответила. Она знала французский — прекрасно знала, лучше, чем знало большинство московских барышень, потому что отец нанимал для неё учителей из Парижа, и потому что она читала в оригинале всё, что читала, а читала она много. Но сейчас слова — на любом языке — куда-то ушли.

Трое остальных вышли следом. Один из них — низкорослый, с красным обмороженным носом — что-то произнёс быстро и грубо. Варвара разобрала достаточно, чтобы почувствовать, как холод внутри неё стал другого свойства.

Де Морне ответил коротко и резко. Не повернув головы.

— Вы понимаете по-французски? — спросил он, и теперь уже по-русски, с акцентом, но правильно.

— Да, — сказала Варвара.

— Вам нужна помощь.

Это не было вопросом. Он смотрел на её платье, на её босые ноги в снегу — туфли потерялись где-то в саду, — на то, как она дрожит, и в его взгляде была та особая смесь сострадания и чего-то ещё, что Варвара ещё не умела называть, но уже умела чувствовать где-то под рёбрами, в том месте, где живёт то, чему нет приличного слова в языке благовоспитанных девиц.

— Я в порядке, — сказала она.

— Вы лжёте, — ответил он почти нежно.

Они нашли укрытие в заброшенном охотничьем домике в двух верстах от дороги — четыре стены, прохудившаяся крыша, очаг, в котором ещё можно было развести огонь. Де Морне отдал команду, и солдаты занялись огнём и едой с молчаливой угрюмостью людей, привыкших выполнять приказы, даже когда приказы эти им не нравятся.

Варваре принесли чей-то плащ — тяжёлый, пропахший дымом и лошадьми, но тёплый. Она завернулась в него и сидела у очага, наблюдая, как разгорается огонь, и думала о том, что жизнь странно распоряжается человеком. Ещё утром она была дома. Ещё утром у неё был дом.

— Как вас зовут? — спросил де Морне. Он сидел напротив, через огонь, и смотрел на неё с тем же выражением — пристальным, спокойным, не похожим ни на угрозу, ни на безразличие.

— Варвара Алексеевна Ларионова.

— Варвара, — повторил он, и в его устах это имя прозвучало как-то иначе, чем она привыкла его слышать. Мягче. Или, может быть, значительнее. — По-французски это было бы Барбара. Но я буду называть вас так, как вы сами себя называете. Я — Жюльен де Морне. Капитан.

— Я знаю, что вы капитан, — сказала Варвара. — Это написано у вас на погонах.

Он улыбнулся. Впервые — и улыбка изменила его лицо так, как рассвет меняет пейзаж: ничего не прибавив и не убавив, просто сделав всё видимым.

— Вы наблюдательны.

— Я напугана, — призналась она неожиданно для самой себя. — Когда я напугана, я замечаю детали.

— Это мудро, — сказал он серьёзно. — Это то, что помогает выживать.

Они помолчали. Огонь трещал. Трое солдат устроились в углу, один уже спал. За стенами домика выл ветер — по-русски, без жалости, с тем неистовством, которое французы за три месяца похода так и не научились принимать спокойно.

— Что будет со мной? — спросила Варвара.

Де Морне долго смотрел на огонь, прежде чем ответить.

— Вы будете с нами, пока мы не выйдем к основным силам. Это безопаснее, чем оставаться одной в лесу.

— А потом?

— Потом посмотрим, — сказал он. И в этом «посмотрим» было что-то, что заставило Варвару отвести взгляд.

Ночью она не могла спать.

Солдаты спали — все трое, в дальнем углу, тесно прижавшись друг к другу, как животные в стойле. Де Морне сидел у огня — она видела его силуэт сквозь полузамкнутые ресницы, притворяясь спящей, наблюдала за тем, как он сидит неподвижно, глядя в огонь, и в его неподвижности было что-то, что заставляло смотреть.

Потом он встал — тихо, не разбудив никого — и подошёл к ней.

Варвара закрыла глаза полностью. Сердце её билось так,

что она была уверена: он слышит.

Он не произнёс ни слова. Она почувствовала только лёгкое движение — он поправил плащ, съехавший с её плеч, укрыл её с той бережностью, которая бывает у людей, когда они думают, что их никто не видит, и потому не притворяются.

Потом он вернулся к огню.

Варвара лежала, глядя в темноту над собой, и думала о том, что этот человек, её враг по всем законам войны и государства, только что сделал что-то, чего Николай — её жених, её соотечественник, её будущий муж — не делал никогда. Не потому, что не мог. А потому что не думал о том, холодно ли ей ночью.

Это была странная мысль. Почти неприличная в своей простоте.

Она уснула с ней — и во сне видела огонь, и чьи-то тёмно-серые глаза, и снег, который почему-то не жёг, а грел.

Утро пришло серым и жёстким.

Де Морне разбудил её первой — осторожно, прикосновением к плечу, и когда она открыла глаза и увидела его лицо близко — ближе, чем накануне, потому что он присел рядом, — то первой её мыслью было то, что у него очень красивые руки. Длинные пальцы, узкое запястье, несмотря на всю грубость военного быта — руки человека, который умеет ими что-то делать помимо войны.

— Нам нужно идти, — сказал он.

— Я знаю.

— Вам нужна обувь, — он протянул ей что-то — тряпичные обмотки, неэлегантные, солдатские. — Это не Париж, но лучше, чем ничего.

— Откуда вы знаете, как выглядит Париж? — спросила она — глупо, невпопад, просто чтобы не молчать.

— Я оттуда, — сказал он просто.

Она обматывала ноги, и он смотрел — не отворачиваясь, не делая вид, что не смотрит, но и без той дерзости, которая оскорбляет. Просто смотрел. Как смотрят на что-то, что находишь красивым и не считаешь нужным это скрывать.

Варвара почувствовала это.

И ничего не сказала.

Они шли весь день.

К вечеру второго дня Варвара уже знала о Жюльене де Морне то, что люди обычно не рассказывают быстро: что он изучал философию в Сорбонне до того, как война забрала его из аудиторий; что у него есть мать в Бордо, которой он не писал три месяца, и это его мучает; что он читал Пушкина — в немецком переводе, плохом, но читал — и думал, что русская поэзия похожа на русскую зиму: безжалостная и прекрасная одновременно.

— Вы не похожи на завоевателя, — сказала Варвара.

Они шли рядом — что само по себе было странно, потому что она была пленницей, а он капитаном армии, которая сожгла её дом. Но за два дня пути что-то незаметно смести-

лось в пространстве между ними, как смещается лёд на реке весной — сначала едва слышно, потом неудержимо.

— Я и не завоеватель, — ответил де Морне. — Я философ, которого занесло не туда.

— Философы не носят сабли.

— Это распространённое заблуждение, — сказал он серьёзно. — Самые опасные из них носили.

Варвара посмотрела на него сбоку — на профиль, чёткий в морозном воздухе, на линию челюсти под щетиной, на то, как он держится прямо несмотря на усталость, которую она уже научилась в нём читать — по лёгкой напряжённости вокруг глаз, по тому, как он иногда на секунду закрывал их, когда думал, что никто не видит.

Она видела.

Она видела его всё лучше с каждым часом, и это знание накапливалось в ней как вода в чаше — тихо, неизбежно, до краёв.

На третью ночь они нашли укрытие лучше прежнего.

Это был дом — настоящий, брошенный крестьянский дом на краю деревни, которую жители покинули ещё в октябре, когда армия шла на восток. Теперь армия шла на запад, и деревня стояла пустая, как скорлупа, из которой вынули всё живое. Но печь была целой. И дрова в сенах.

Солдаты устроились в большой комнате. Де Морне — в малой, смежной, через тонкую дощатую перегородку. Он привёл туда Варвару сам, принёс свечу и сухие дрова для

маленькой печурки в углу, и пока разводил огонь, она стояла посередине комнаты и смотрела на его спину — на то, как двигаются лопатки под мундиром, на то, как он дует на слабый огонёк с той терпеливой нежностью, с которой, должно быть, обращался когда-то с очень хрупкими вещами.

— Жюльен, — сказала она.

Это было первый раз, когда она назвала его по имени. Без «капитан», без «месье де Морне». Просто — Жюльен. Слово упало в тишину комнаты и осталось там, изменив что-то.

Он обернулся.

Огонь уже разгорался, и свет его был тёплым, живым, совсем не похожим на тот огонь, который три дня назад пожирал её дом. Этот огонь был другим — домашним, интимным, созданным для того, чтобы греть, а не уничтожать.

— Я боюсь, — сказала она просто.

Де Морне встал. Он был высоким — она снова это отметила, потому что каждый раз, когда он вставал рядом с ней в полный рост, она ощущала это как-то физически, как ощущают изменение давления воздуха перед грозой.

— Здесь безопасно, — сказал он.

— Я не об этом.

Он смотрел на неё. Молчал. За перегородкой слышались голоса солдат, потом смех, потом тишина. Свеча чуть колебалась — от их дыхания, или от сквозняка, или от того невидимого движения, которое всегда возникает между двумя людьми, когда они стоят достаточно близко и достаточно

честно смотрят друг на друга.

— Вы никогда не были в плену, — сказал он наконец. Это не было вопросом.

— Нет.

— Плен — это особое состояние, — произнёс он медленно, как будто думал вслух. — Он снимает с людей то, что цивилизация на них навешивает. Всё лишнее. Остаётся только то, что есть на самом деле.

— И что есть на самом деле? — спросила Варвара.

Он сделал один шаг к ней. Только один. Но комната была маленькой, и этого шага оказалось достаточно.

— Это, — сказал он тихо.

И больше ничего не добавил. Потому что слова здесь были лишними — оба это понимали, с той одновременностью, которая случается между людьми так редко, что когда случается, то кажется почти невозможным.

Он коснулся её лица — только лица, ладонью, осторожно, как прикасаются к тому, что боятся спугнуть. Варвара не отстранилась. Она стояла очень тихо, как стоят, когда не хотят разрушить что-то хрупкое и драгоценное — случайным движением, случайным словом.

Его пальцы прошли по её щеке, по линии скулы, по виску — туда, где в темноте волосы были чуть влажными от растаявшего снега. Он убрал эти пряди с её лица, медленно, и взгляд его был таким, что Варвара почувствовала это касание не только там, где оно происходило.

— Вы знаете, что вы красивы? — спросил он.

— Мне говорили, — ответила она — и в её голосе была та ирония, которая бывает у умных женщин, когда они хотят сказать «да», но не хотят этого показывать.

Он улыбнулся — той же улыбкой, что и в первый день, которая меняла его лицо.

— Нет, — сказал он. — Вам говорили, что вы хороши собой. Это другое. Красота — это не симметрия черт. Это то, как вы смотрите. То, как вы думаете — это видно, знаете, когда человек думает по-настоящему, это отражается в глазах. То, как вы не испугались в лесу, хотя боялись.

Варвара молчала.

— Николай, — сказала она наконец — имя вырвалось само, как будто это слово было занозой, которую нужно было извлечь. — У меня есть жених.

— Я знаю, — сказал де Морне.

— Вы не знали.

— Я догадывался. У таких женщин всегда есть жених. — В его голосе не было горечи. Только спокойное принятие факта, как принимают непогоду. — И что он значит для вас?

Варвара открыла рот, чтобы ответить — правильно, положенным образом. Что она любит Николая. Что он хороший человек. Что они будут счастливы.

Но не сказала ничего.

Потому что именно здесь, в этой маленькой комнате, при свете одной свечи и одного огня, она наконец позволила себе

знать то, что знала, наверное, давно: что правильность — это не то же самое, что жизнь. Что жених, который целует щёку виновато и торопливо, никогда не смотрел на неё так, как этот человек — её враг, чужеземец, захватчик — смотрел уже три дня.

— Он хороший, — сказала она наконец.

— Это самый печальный комплимент, который женщина может сделать мужчине, — произнёс де Морне тихо.

И тогда она засмеялась — неожиданно для самой себя, коротко, почти беззвучно. И этот смех что-то окончательно сломал — или, точнее, открыл, как открывают окно в комнате, где долго не было воздуха.

Он наклонился к ней.

Поцелуй был медленным. Совсем не таким, каким был единственный поцелуй Николая — тот был вопросом, смущённым и торопливым. Этот был ответом. На вопрос, который Варвара задавала себе, не признаваясь в этом, с того самого момента, как начала читать французские романы и понимать, что в них описывается что-то, о чём в её собственной жизни нет даже намёка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.